

ВЫДАЮЩИЕСЯ
УЧЕНЫЕ
ПЕНИНГРАДСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

михаил васильевич СЕРЕБРЯКОВ

/ leтepбyprcкого университета пуаль — тэстранстве (культурное наследие, музейные коллекции, биографика) http://history.museums.spbu.ru/ ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ НИЕВИ А. А. ЖЛАНОВА

*

ВЫДАЮЩИЕСЯ УЧЕНЫЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В. М. ЗВЕРЕВ, В. И. КЛУШИН

Михаил Васильевич СЕРЕБРЯКОВ

Издательство Ленинградского университета 1968

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Ленинградского университета

Работа посвящена памяти профессора философского факультета Ленинградского университета Михаила Васильевича Серебрякова (1879—1959), старейшего большевика, активного участника Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, оставившего после себя большое научное и публицистическое наследие.

Брошюра рассчитана на преподавателей, аспирантов, студентов-гуманитаров и всех, кто интересуется славными революционными традициями советской высшей школы.

У всякого человека есть своя история, а в истории — свои критические моменты; и о человеке можно безошибочно судить только смотря по тому, как он действовал и каким он являлся в эти моменты, когда на весах судьбы лежали его и жизнь, и честь, и счастье.

В. Г. Белинский.

Немало славных страниц в истории отечественной науки и культуры связано с Ленинградским государственным университетом, который в начале 1969 празднует свой стопятидесятилетний юбилей. учились и преподавали многие выдающиеся деятели, снискавшие известность, далеко выходящую за стены этого крупнейшего учебного заведения нашей страны. Среди них особое место принадлежит профессору Михаилу Васильевичу Серебрякову, революционеру, общественно-политическому деятелю, крупнейшему советскому философу и историку марксизма, вся общественно-научная деятельность которого была неразрывно связана с исторней революционного движения построением социализма в нашей стране. Более сорока лет своей замечательной жизни отдал профессор-большевик Ленинградскому университету, воспитав славную плеяду учеников, которые и поныне во многих вузах страны ведут большую научную и педагогическую работу, отдавая все свои силы и способности развитию и пропаганде марксистско-ленинских идей, приное наспедие

> музейные коллекции, биографика) http://history.museums.spbu.ru/

В юбилейный год университета исполняется девяносто лет со дня рождения М. В. Серебрякова — основателя философского факультета, бывшего ректора ЛГУ и организатора общества первых советских марксистов-

преподавателей высшей школы Петрограда.

«Надо признать, — писал когда-то в начале своего творческого пути Михаил Васильевич, — что есть люди, жизнь и личность которых заслуживает самого пристального внимания... Их характер и деятельность до такой степени сливаются с известной эпохой, что составляют одно неразрывное целое. Оживляя в памяти их образ, мы как бы повторяем всемирную историю». Представляется, что эти строки можно отнести также к личности и жизненному пути самого автора, с юношеских лет шагнувшего в революцию и прошедшего в рядах партии Ленина героический путь борьбы и побед.

В архиве Центрального военно-морского музея в Ленинграде хранятся тронутые временем листы анкет революционеров флота, собранные Морской исторической комиссией в 1920 году. Среди них имеется анкета Миханла Васильевича Серебрякова, которая строгим, но красноречивым языком цифр освещает поучительный путь борца за победу социалистической революции. В свете такого необычного цифрового «количества» здесь исключительно рельефно просматривается качественная сторона деятельности человека, яснее и четче обрисовывается революционная мера его исторических заслуг перед Родиной. По этой анкете революционный стаж Михаила Васильевича имеет вполне определенное количественное выражение: «участие в экономических стачках — 1 раз, в уличных и политических демонстрациях — 5 раз, в подпольных кружках —

¹ М. В. Серебряков. Фридрих Энгельс как мыслитель. «Красный Балтнец», 1920, № 3, стр. 20.

"много", в нелегальных массовках и митингах — "много", в маевках — 5 раз, в партийных конференциях — 1 раз». Пять раз царские жандармы заключали его в тюрьму, больше года он находился в административной ссылке, полтора года провел в заграничной политической эмиграции.

С такой аттестацией пришел М. В. Серебряков в

Ленинградский университет первых лет Октября.

1. ПУТЬ В РЕВОЛЮЦИЮ

Пожелтевшие листы архивных документов проливают свет на ныне далекие от нас годы жизни человека, целиком отдавшего себя революции, пропаганде и научной разработке марксистско-ленинских идей.

Миханл Васильевич Серебряков родился 4 сентября 1879 года. Қазалось, в его социальном происхождении не было ничего такого, что предвещало судьбу буду-

щего революционера.

Большое украинское село Тростянец Ахтырского уезда Харьковской губернии, где он родился, насчитывало в то время около пяти тысяч жителей. Оно было известно своими винокуренными, канатным и сахарными заводами. Отец Михаила, инженер-технолог Василий Иванович Серебряков, выходец из крестьян Новгородской губернии, работал директором сахароваренного завода Кёнига. В 1887 году он отказался от места в Тростянце и переехал в Харьков, где обзавелся домом для своей многочисленной семьи. Здесь он служил фабричным инспектором. В последние годы жизни работал педагогом в Саратове, где умер в 1898 году. Это был скромный, далекий от политики, консервативно настроенный и поглопенный заботами добывания хлеба насущного человек. В семье Серебряковых родилось 14 детей, из

музейные коллекции, биографика) http://history.museums.spbu.ru/ которых четыре сына и шесть дочерей дожили до взрослого возраста. Основные заботы по их воспитанию легли на плечи супруги Василия Ивановича — Амалии Карловны, урожденной Счастии. Она происходила из семьи чешских немцев, обосновавшихся в России. Вспоминая о матери, Михаил Васильевич писал, что она, усвоив мещански-буржуазные взгляды, решительно осуждала его революционные убеждения, неодобрительно и даже враждебно относилась ко всякой революционной деятельности.

Казалось, ничто не предвещало, что в этой религнозной семье провинциального интеллигента из бойкого и смышленого первенца вырастет профессиональный революционер, готовый идти на все ради свободы и

счастья своего народа.

До восьми лет Миша Серебряков учился дома, а затем два года посещал частную начальную школу в родном Тростянце. В эти годы в нем проснулась любовь к книге, и чтение стало самым любимым занятием. Благодаря матери, Амалии Карловне, он в совершенстве овладел немецким языком, что впоследствии сыграло большую роль в его научной деятельности и судьбе ре-

волюционера-конспиратора.

В гимназические годы у Михаила Серебрякова пробуждается интерес к общественно-политическим проблемам. Первым толчком к развитию молодой мысли в этом направлении, по его свидетельству, послужило чтение в пятнадцатилетием возрасте запрещенной литературы. «Помию, — пишет М. В. Серебряков, — первой прочитанной мною нелегально книгой были "Летучие листки Фонда Вольной русской прессы", издававшиеся в Лондоне Ф. Волховским, Э. Серебряковым и др.». Будучи шестиклассником саратовской гимназии, Михаил Серебряков организовал и возглавил иелегальный кружок учащихся. Юные кружковцы зачитывались произведениями Чернышевского, Герцена, Добролюбова, а также некоторыми марксистскими работами. Эта деятельность не прошла незамеченной для гимназического начальства, которое приняло решительные меры для ограждения своих воспитанников от крамольных идей. За «политическую неблагонадежность» Михаил был удален из гимназии. Непосредственным поводом для этого послужило чтение им на уроке греческого языка запрещенной книги дюрингианца Людвига Гумпловича «Социология и политика». Вряд ли поцечителям саратовской гимназии в то время было известно, что М. В. Серебряков, один из способнейших учеников, к этому времени уже порвал с религиозными воззрениями, стал атеистом и серьезно штудировал «Капитал» К. Маркса, «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса, «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Г. В. Плеханова и другие марксистские работы. Под влиянием этой литературы складывалось политическое мировоззрение любознательного саратовского гимназиста.

Недолго Михаилу Серебрякову пришлось проучиться и в третьей харьковской гимназии, куда он поступил после исключения из саратовской. Здесь он был заподозрен, и видимо не без основания, в участии в студенческой сходке. Пришлось окончательно оставить гим-

пазию.

Весной 1899 года Михаил Серебряков экстерном успешно держит экзамен на аттестат зрелости и осенью зачисляется студентом Харьковского университета по юридическому факультету. Еще до поступления в университет девятнадцатилетний Серебряков устанавливает связи с рабочими-железнодорожниками Харькова и по собственной инициативе начинает вести среди них пропагандистскую работу. Вскоре он входит в Харь-

зиртуальном пространстве (культурное наследие, музейные коллекции, биографика)
http://history.museums.spbu.ru/

М. В. Серебряков (1897).

ковский комитет Российской социал-демократической рабочей партии, о создании которой в 1898 году было объявлено на Первом Минском съезде. По поручению комитета РСДРП Михаил Васильевич организует и ведет политический кружок среди слесарей-железнодорожников. Одновременно им выполняется важное партийное поручение по объединению социал-демократических сил. Он устанавливает связи с руководителями и пропагандистами Харьковского рабоче-ремесленного союза и ставит перед ними задачу самороспуска этой организации с целью полного присоединения к Харьковскому комитету РСДРП. «Вопросу об объединении в конце ноября 1899 года было посвящено специальное заседание, в котором принимал участие товарищ В. А. Карпинский, — вспоминал Михаил Васильевич. — Участинкя совещания едиподушно, за исключением 2-3 человек, высказались за объединение».2 Однако дальнейшие планы революционеров были нарушены. В ночь с 3 на 4 декабря 1899 года 43 члена организации, в том числе 6 студентов Харьковского университета, были арестованы.3 Не исключено, что в среду ремесленников втерся провокатор, а скорее всего Союз попал под наблюдение жандармов вследствие неопытности в делах конспирации, свойственной начальному, кружковому периоду российского рабочего движения. Во время обыска жандармы отобрали у Серебрякова Устав организации, после чего он был заключен в одиночную камеру харьковской губернской тюрьмы.

Реакция университетского начальства была немедленной. В первый день дознания, 14 декабря 1899 года,

² Полная автобиография. Музей ЛОЛГУ, ф. проф. М. В. Серебрякова.
³ Харьковский государственный университет имени А. М. Горького за 150 лет. Изд. Харьковск. ун-та, 1955, стр. 113.

^{3ак. 393}музейные коллекции, биографика) http://history.museums.spbu.ru/

студент первого семестра Михаил Серебряков постаноплением правления Харьковского университета был «уполен из числа студентов и вовсе из ведомства сего университета». Чачалось обучение его в другом, тюремном, «университете» царизма, через который он мужественно прошел вместе с лучшими представителями революционной молодежи России. Здесь он встретил первый день нового XX века.

В еженедельной записке министра внутренних дел царю было сказано: «В конце августа 1899 года среди рабочих-ремесленников Харькова организовались кружки социал-демократического направления с целью подготовки будущих агитаторов. В Харькове организовалось сообщество под названием Харьковский социал-демократический Союз ремесленников, программа и деятельность которого была выработана на сходке у Трутовской при участии студентов университета Серебрякова М. В., Белова, Аладова и Карпинского». 5
«Все обвиняемые на предварительных допросах, не

«Все обвиняемые на предварительных допросах, не признавая себя виновными в приписываемых им преступных деяниях, дали уклончивые объяснения по существу дела...». Однако вскоре жандармам удалось запугать арестованного студента первого курса физикоматематического факультета Белова, который, смалодушничав, осветил охранникам деятельность интеллигенции в Союзе. Следствию стало известно, что на квартире главы организации Елены Михайловны Трутовской велись горячие споры по вопросу, должна или не должна интеллигенция вмешиваться в дела ра-

⁴ Из личного дела студента СПб, университета М. В. Серебрякова, ГИАЛО, ф. 14, оп. 16, 1906—1910, ед. хр. 18, л. 2. 5 Музей ЛОЛГУ, ф. проф. М. В. Серебрякова.

⁶ Дело Харьковского с.-д. рабочего союза ремесленников в 1899 г. «Летопись революции», 1923, № 4, стр. 191.

бочих. Предательство Белова поставило Михаила Серебрякова в трудное положение, но на допросах он держался стойко, утверждая, что «никакого участия в прениях не принимал, а только высказывал свое мнение, основанное на известных ему фактах из жизни западноевропейских и русских рабочих, что рабочие сами не способны формулировать свои требования и если преподаватели («просветительских кружков». — Авт.) стоят за интересы рабочих, то и должны им указывать их интересы; везде рабочими руководит интеллигенция». 7

Вряд ли это «признание» серьезно убедило дознавателей, ибо среди книг организации, хранившихся и изъятых у Софьи Пряничниковой, были «Коммунистический манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Введение в критику гегелевской философии права», а также брошюры «Международный социалистический конгресс в Лондоне», «Царское правительство и рабочие», «Цели и средства всемирной социал-демократии» и др. Установив лишь номинальное участие Серебрякова на сходках, в феврале 1900 года его выпустили на свободу под особый надзор полиции, без выдворения из Харькова. Первое знакомство с «одиночкой» и правами политического сыска продолжалось два месяца. Оно научило многому, но отнюдь не сломило волю и не погасило боевого задора юного революционера.

После выхода на свободу стало ясно, что продолжать партийную деятельность под надзором полиции в Харькове нецелесообразно. И Михаил уехал в Ростовна-Дону, где «тотчас приступил к партийной работе в составе Ростовского и/Д комитета партии, членом которого стал, — писал впоследствии Михаил Васильевич. — В Ростове я беспрепятственно и плодотворно вел

Исто — анкт. Петербургского университета 7 «Летопись революции», 1923, № 4, стр. 219—220. **Виртуа**

пропаганду в рабочих кружках до сентября 1900 года, пока не был арестован». В секретном донесении помощшка начальника харьковского жандармского управлеиня от 19 октября 1900 года говорилось: «Ввиду полученных указаний об устройстве проживающими в гор. Ростове-на-Дону в одной комнате, бывшим студентом Харьковского университета, состоящим под особым над-зором полиции, Михаилом Васильевичем Серебряковым и студентом Харьковского университета Вячеславом Ивановичем Удовиченко, тайной типографии, в коей будто бы печатали с помощью гектографа преступного содержания прокламации от Донского комитета РСДРП, оригинал коей был поднят в отхожем месте означенных лиц некоим Поповым, проживающим в одном с ними доме, а прокламации были разбросаны в ночь с 2 на 3 октября в помещениях местных заводов и фабрик, у упомянутых лиц был произведен обыск, по которому ничего явно преступного не было обнаружено. Впредь до выяснения всех обстоятельств дела, по которому производится расследование... означенные лица, согласно 21 ст. Положения об охране, содержались под стражей».8

Ответ из управления последовал незамедлительно, ибо уже 24 октября 1900 года Серебрякова привлекли в Харькове к дознанию по делу Харьковского комитета РСДРП. Расследование не принесло охранникам желаемых результатов, и 16 февраля 1901 года департамент полиции предписал харьковским жандармам выпустить Серебрякова, вменив ему в наказание «предварительное заключение по сему делу под стражей».

Новое знакомство с произволом самодержавия не остановило юного члена Донского комитета РСДРП,

^{8 «}Детопись революции», 1923, № 4, стр. 219—220.

который снова на целый год окунулся в партийную работу. Михаил Серебряков вел теперь пропаганду, агитацию и организацию рабочих одновременно в трех местах: Ростове, Таганроге и на большом Пастуховском заводе (ст. Сулин, близ Новочеркасска). Большой победой ростовских социал-демократов было проведение 19 февраля 1902 года первой политической демонстрации, подготовленной при ближайшем участии М. В. Се-

ребрякова.

Комитет партии решил организовать более массовую первомайскую демонстрацию, для подготовки которой нужно было выпустить ряд прокламаций. Выпуск первой листовки поручили Михаилу Васильевичу Серебрякову, который подготовил все необходимое. Землемер Шпак с женой предоставили свою квартиру, а другие подпольщики изготовили гектографическую массу. В целях конспирации печатание листовок должно было пронсходить в другом месте. Неожиданно с обыском нагрянули жандармы во главе с самим начальником ростовского управления полковником Артемьевым...

В «Хронике революционной борьбы», печатавшейся в «Искре», об этом эпизоде дана следующая информация: «Ростов и/Дону. 4 марта взяты на квартире во время печатания прокламаций студенты Серебряков, Рафаилович (М. М. Рафаилов. — Авт.) и землемер Шпак. При входе жандармов Серебряков накипулся на полковинка Артемьева и начал душить его. Произошла свалка, во время которой хозяева старались сжечь бу-

маги, но это им не удалось».9

После революции Михаил Васильевич уточнил: «заготовки» (переписанный гектографическими чернилами текст листовки) успели сжечь. Молодой подпольщик ис-

в виртуа «Искра», № 19, 1902, 15 апреля е (культурное наследие, музейные коллекции, биографика) 13

http://history.museums.spbu.ru/

кусно имитировал вооруженную оборону. Жандармы, опасаясь стрельбы, отвлеклись исключительно на Серебрякова. В этот момент один из участников явки Цукерман успел бежать за спиной охраны, а Рафаилов, Шпак с женой и Серебряков были заключены в окруж-

ную тюрьму.

Первоначально подпольщики отказались от каких бы то ни было показаний. Но вскоре Шпак опасно заболел, и тогда Серебряков и Рафаилов решили спасти арестованных супругов, приняв всю вину на себя. В данных под присягой показаниях оба «признались», что нелегальной деятельностью они занимались без ведома хозяев в комнате, куда Шпаки даже не заходили. По настоянню Серебрякова супруги подтвердили данную версию и были освобождены.

В данном эпизоде ярко проявились великодущие и самоотверженность Михаила Васильевича, его готовность идти на любые жертвы во имя товарищей. Благородные рахметовские черты русского революционера были им пронесены через все испытания времени и всегда вызывали уважение к нему со стороны товарищей по

партии и коллег по работе.

Томительное одиночное заключение длилось почти год, арестованный замыслил побег, но реальных возможностей, увы, не оказалось. Тогда М. В. Серебряков прибегнул к симуляции сумасшествия в форме мании преследования. Расчет был построен на том, что его переведут в лечебницу, откуда было бы гораздо легче устроить побег. Арестант перестал принимать пищу, утверждая, что его «хотят отравить». После десятисуточной голодовки тюремные власти решили насильственно питать ослабевшего узника. Это толкнуло революционера на новый отчаянный шаг, на симуляцию самоубийства. Несмотря на строго обдуманный план, М. В. Се-

ребряков едва не распростился с жизнью. Тюремщики извлекли его из петли уже в бессознательном состоянии. После этого симуляция мании преследования продолжалась до тех пор, пока Серебрякову не объявили распоряжение департамента полиции о ссылке в Восточную

Сибирь.

В секретном докладе «Особому совещанию» проясняются причины этого заключения и дана яркая характеристика бывшему студенту Серебрякову, обвиняемому в государственном преступлении. Основанием к аресту «послужили установленные дознанием данные, которые указывают на видную роль Серебрякова в противоправительственной деятельности Донского комитета РСДРП и в связи с привлечением его ранее сего к трем другим дознаниям политического характера, приводят к заключению о Серебрякове, как о личности крайне вредной для государственного порядка и общественного спокойствия, ибо, не имея определенных занятий, он каждый раз по освобождении из-под стражи вновь проявляет революционную деятельность». 10

Особое совещанис, установив «выдающееся участие» Серебрякова в революционном движении, постановило «ныне же выслать его на жительство под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь впредь до решения

возбужденных о нем дознаний». 11

Высылка, однако, несколько отсрочилась, нбо к тому времени предательство одного рабочего раскрыло жандармам революционную деятельность М. В. Серебрякова на Пастуховском заводе, связанную с организацией кружков и доставкой нелегальной литературы. В марте 1903 года молодого революционера конвонро-

Истор музей лолгу, ф. проф. М. В. Серебрякова. НИВЕРСИТЕТА
В ВИРТУЕЛЬНОМ пространстве (культурное наспедие, музейные коллекции, биографика)

вали по этапу в Сибирь, где и поселили в селе Назарьевском Ачинского уезда Енисейской губернии. Сюда в начале 1904 года докатилось известие о начавшейся русско-японской войне. Самодержавие решило заставить революционеров призывного возраста отбывать воинскую повинность на фроите, чтобы на будущее избавить себя от деятельности этих «опасных лиц». Это был коварный план ликвидации «врагов внутренних» с помощью «врагов внешних».

«Я не допускал возможности сражаться в рядах царской армии и таким образом защищать самодержавие, — писал впоследствии Серебряков. — Поэтому вызванный и доставленный на казенный счет в Ачинское по воинским делам присутствие для медицинского освидетельствования, туда не явился, а бежал сначала в Красноярск, где едва не был арестован, а затем — в Европейскую Россию. Отсюда нелегально перебрался

через границу и остановился в Берлипе».

За этими скупыми строчками автобиографии Михаила Васильевича скрывается большой и трудный путь к свободе, потребовавший тщательной подготовки,

упорства, мужества и изобретательности.

В Красноярске товарищи социал-демократы снабдили его документами на имя инженера-путейца и небольшой суммой денег. Это все, что можно было тогда сделать для беглого политического ссыльного. Решили, что безопаснее ехать в вагоне первого класса, куда и был куплен билет. Попутчиками молодого путейца оказались два петербуржца — прокурор и действительный статский советник. Они изнывали от безделия и скуки в полупустом вагоне. Новый пассажир понравился им. Онбыл весел, остроумен, неистощим на анекдоты и смешные истории. Была предложена партия в преферанс. Он согласился. Никто, разумеется, не заметил тени трево-

ги, которая мелькнула в его лукавом взгляде. Ведь деньги были партийные и их было в обрез. А впереди такая большая и трудная дорога. Игра сразу приняла острый характер. К удивлению молодого инженера противники оказались слабыми. Он выиграл и тем самым еще больше очаровал своих сановных попутчиков. К вечеру игра переместилась в вагон-ресторан, где был занят самый удобный столик. На одной из станций в разгар игры в вагон вошли жандармы, которые стали сличать немногочисленных посетителей ресторана с полицейскими фотокарточками. Шла обычная в те годы операция по выявлению ссыльных и каторжан, совершивших побег. Ее непосредственная причина была связана с появлением в поезде молодого попутчика петербургского прокурора. Инженер-путеец сидел спиной к жандармам, выполнявщим свои привычные служебные обязанности. Когда они подошли к столику, где сидела веселан компання картежников, прокурор небрежно бросил «проходи, братец», и фатоватый путеец, не поворачивая головы, повторил небрежно барским тоном то же выражение. Жандармы, почтительно откозыряв, ушли, даже не взглянув на того, чья фотография была вручена им из полицейской картотеки.

Продолжение пути шло уже без происшествий. По прибытии в Петербург прокурор, не желая сразу расставаться с приглянувшимися ему приятными попутчиками, пригласил в «Европейскую». После сытного и веселого ужина у молодого инженера остались визитные карточки «новых друзей». Вскоре эти карточки и «сэкономленные» деньги перешли в руки петербургских това-

рищей. ¹²

Столица царской империи, естественно, не была луч-

ВИПТУ 12 По воспоминаниям профессора ЛГУ А. В. Ярмоленко. аспедие

^{2 Зак, 393}зейные коллекции, биографика) http://history.museums.sobu.ru/ шим местом для пребывания беглого ссыльного, и товарищи социал-демократы в феврале 1904 года переправляют М. В. Серебрякова за границу, в Германию. В Берлине в это время обостряется борьба между «большинством» и «меньшинством», в которую молодой революционер окунулся с первых же дней своего приезда.

Л. Мартов нытался склонить прибывшего на сторону меньшевиков. Бывшему ссыльному пришлось разбираться в политических вопросах, поставленных раско-

лом российских социал-демократов.

Уже в мае 1904 года Михаил Серебряков стал работать в Берлинской группе содействия РСДРП(б), при-

нявшей его в большевистскую партию.

В Берлипе Серебряков впервые втягивается в литературную работу, участвует в собраниях социал-демократических групп, неоднократно выступает против А. С. Мартынова, Л. Д. Троцкого и других лиц, примкнувших к меньшевикам. 13

В июне 1905 года Михаилу Васильевичу поручают транспорт в Россию нелегальной литературы. Наиболее удобным был признап путь через один из прибалтийских портов. Товарищи выправляют ему документы на имя немецкого коммивояжёра, пожелавшего с образцами своих товаров посетить Северную Пальмиру. Плотно упакованная литература разместилась в двух объемистых чемоданах. Самое сложное — миновать таможенный досмотр, иначе партийная литература не достигнет своих читателей.

На пристани прогуливается скучающий жандарм... «Nehmen Sie!»— на безукоризненном немецком языке бросает приезжий, показывая на чемоданы и перебирая

¹³ ЛПА, ф. 433, оп. 5358, 1928 г., д. 401 553, д. 4 об.

в пальцах полтиншик. Жандарм не заставил сооп жанты схватил чемоданы и, минуя таможню без помех, перенес их из каюты прямо в купе нассажирского постав. Получив серебряную монету, он, лихо откозырную, покинул щедрого иностранца. Литература прибыла по пазначению.

В Петербурге с помощью Е. Д. Стасовой Миханл Васильевич установил контакт с Петербургским комитетом большевиков и стал выполнять его поручения. В грозные годы первой русской революции он становится профессиональным революционером. В северной столице, скрываясь от жандармов, он проживает по паснорту германского подданного Вильгельма Эйхлера. Став членом Петербургского комитета РСДРП(б), М. В. Серебряков работает под псевдонимом «Владимир Николаевич». Основным объектом его деятельности становится так называемый «экстерриториальный ремесленный район». По заданию комитета большевиков он объединяет в профсоюзы булочников, кондитеров, поваров, вязальщиков, золотосеребряников, бронзовщиков, картонажников и другой трудовой люд Петербурга.

«Владимир Николаевич» принимает участие в организации Центрального бюро профсоюзов, где ему удалось склонить руководство на сторону большевиков. Серебряков трудится в редакции печатного органа ремесленного района — журнала «Профессиональный союз». Учитывая, что полупролетариат был в те годы основной базой меньшевизма, следует отметить большую роль М. В. Серебрякова в борьбе за привлечение ремесленных масс столицы на сторону революции. Ближайшими соратниками Михаила Васильевича по Петербургскому комитету большевиков были Розалия Самойловна Землячка (Самойлова), Николай Васильевич Крыленко, Петр Ананьевич Красиков, Давид Борисо-

2*

вич Рязанов (Гольдендах), Иван Адольфович Теодорович, Александр Магнусович Эссен (Бур). Плодотворная деятельность «Владимира Николаевича» была внезапно прервана. Во время одной из районных партконференций столичная полиция с негодованием обнаружила явное вмешательство иностранного подданного в русские политические дела. После двухмесячной отсидки в «крестах» в апреле 1905 года «Вильгельма Эйхлера» под соответствующей охраной выдворили из пределов Российской империи.

Месяца два спустя, никем не замеченный, на перрои Николаевского вокзала столицы вышел двадцатишестилетний мололой человек, как две капли волы похожий

на опального «Эйхлера». Это уже под своей настоящей фамилией в Россию, находящуюся на гребне революции, вернулся Михаил Серебряков. Вернулся для того, чтобы продолжить начатое дело. Большевистский комитет поручает ему возобновить работу в массах столичных ремесленников.

ремесленников.

Легализовавшийся революционер много времени уделяет сотрудничеству в профсоюзных журналах «Голос табачника» и «Вестник жизни». Последний редактировался тогда большевиком П. П. Румянцевым. Вплоть до закрытия всех демократических изданий в 1907 году Михаил Васильевич редактировал также «Вестник золотосеребряников и бронзовщиков». Наряду с этим он выполняет другую партийную работу: участвует в уличных демонстрациях, выступает на массовых митингах, ведет революционную пропаганду на фабриках и заводах. Профсоюз рабочих-булочников избрал большевика Серебрякова в Первый Совет рабочих депутатов Петербурга тербурга.

Находясь на партийной работе в профсоюзах, ващи-

¹⁴ Там же.

Истормяв Серебряков — студелт Петербургского университета — (1906—1910).

в виртуальном пространстве (культурное наследие, музейные коллекции, биографика)

http://history.museums.spbu.ru/

щая интересы эксплуатируемых и угнетенных рабочих от произвола хозяев и царского правительства, Михаил Васильевич ясно почувствовал недостаточность своих знаний, особенно в области юриспруденции. Поэтому, когда революция пошла на убыль, он, с целью завершения прерванного образования, поступает на юридический факультет Петербургского университета, где, не оставляя партийной работы, учится четыре года. В «записи» студента М. В. Серебрякова (так назывались тогда зачетные книжки) нашли свое отражение недюжинные способности молодого революционера и беспредельная жажда знаний. На всем протяжении учебы ему была известна только высшая оценка: «весьма удовлетворительно». Академические успехи вскоре освободили его от обременительной платы за обучение, а в дальнейшем позволили получать «императорскую стипендию». Бывший подпольщик, использовавший для учебы глухое безвременье реакции, перешедший с согласия партии на легальную работу, вероятно, не без юмора выслушивал в деканате юридического факультета напоминания о «высочайшей монаршей милости», дарованной студентам-стипендиатам.

та напоминания о «высочайшей монаршей милости», дарованной студентам-стипендиатам.

В числе университетских профессоров, учивших студента Серебрякова, были И. И. Кауфман, читавший статистику, М. И. Туган-Барановский — историю экономических учений, И. М. Кулишер — историю хозяйственного быта, В. Н. Сергеевич — русское право, В. В. Святловский — русское рабочее законодательство. С профессором Владимиром Владимировичем Святловским, известным специалистом по истории экономических учений, у Михаила Васильевича установились дружеские отношения. Ему, как и многим другим старым ученым, М. В. Серебряков помог постичь историческую правду Октября.

Октября.

Многие курсы тогдашней университетской профессуры не удовлетворяли пытливого, начитанного и познавшего жизнь студента. Он их почти не посещал, а занимался дома и в библиотеках, преимущественно экономическими науками, историей, социологией, философией и политикой. В этот период Михаил Васильевич основательно знакомится с немецкой классической философией, современными социологическими теориями, детально изучает труды основоположников научного мировоззрения, работы их современников, противников, нопутчиков, учеников и последователей. Это было время накопления той обширной эрудиции в области истории марксизма, которая впоследствии поражала и восхищала университетских студентов, аспирантов и ученых коллег профессора-большевика.

Закончив Петербургский университет, М. В. Серебряков в следующем 1911 году весьма успешно защитил дипломную работу «Значение каст и различных отрас-

лей труда в Индин по законам Ману». 15

Несмотря на академический характер дипломной темы, работа была написана с соблюдением требований марксистской методологии. Отвлеченность в историческое прошлое вполне, по-видимому, устраивала и научного руководителя. Бывший «легальный марксист» проф. М. И. Туган-Барановский начертал на титульном листе «весьма удовлетворительно». Следует отметить, что уже этому первому научному труду М. В. Серебрякова присущ характерный «серебряковский» почерк—высокая эрудиция и прекрасный стиль научного мышления и слова.

По окончании университета Серебряков был избран

История Санкт-Петербургского университета
виртуа БНАЛО, ф. 14. оп. 8. сд. хр. 1448. дл. 1—30.
музейные коллекции, биографика)
http://history.museums.sobu.mv/

членом правления Царскосельского общества взаимночленом правления Царскосельского общества взаимно-го кредита, затем сюда присоединилась должность сек-ретаря Царскосельской уездной землеустроительной ко-миссии. В 1914 году он вступил в сословие присяжных поверенных. С 1916 года был городским участковым попечителем, а в 1917 году начал работать помощником юрисконсульта Петроградской центральной продоволь-ственой управы. Такова была легальная ширма, за ко-

ственной управы. Такова была легальная ширма, за которой скрывалась революционная деятельность опытного конспиратора-большевика.

Внешне по всем статьям это был преуспевающий правовед, цветущий тридцатисемилетний мужчина, давно расплатившийся по векселям своей бунтарской юности, и уж, конечно, не намеренный влезать в долги нового безрассудства. Разве мало было в ту пору бывших «ультра-революционеров», сыто поучавших с университетских кафедр импульсивную молодежь умеренчости и благоразумию

ности и благоразумию. Но была особая статья, неведомая клиентам присяж-

Но была особая статья, неведомая клиентам присяжного поверенного Серебрякова. Все эти годы не порывалась связь Михаила Васильевича с партией, с товарищами-большевиками, работавшими в петербургском подполье. К сожалению, эта сторона его деятельности осталась в тени. Скромный, мужественный человек, он даже в среде близких друзей не любил рассказывать о своем личном участии в подпольной работе.

С первых дней Октября партия доверяет М. В. Серебрякову ответственную и сложную работу в области распределения продовольствия в голодающем Питере. «С начала Советской власти, — писал он в "Анкете революционера флота", — работал в Петрокомпроде, а потом в Петрокоммуне (1918), юридическим отделом которой заведовал. 13 марта 1919 года был командирован на Украину и работал в Киеве, откуда уехал за

История Санкт-Петербургского университета в виртуальном простран¹⁹¹⁹в ¹⁹²(культурное наследие, музейные коллекции, биографика) http://history.museums.spbu.ru/

несколько дней до занятия его войсками Деникина». Как память об эгой командировке в Ленинградском партархиве вместе с другими документами хранится партийный билет члена КП(б) Украины М. В. Серебрякова.

Возвратившись в Петроград, Михаил Васильевич получает назначение в политотдел Балтийского флота. В 1919—1921 годах оп работает ответственным редактором печатных органов политотдела газеты «Красный Балтийский флот» и журнала «Красный балтиец», а затем помощником и временно исполняющим обязанности пачальника политотдела флота. Одновременно он является начальником и лектором флотской Высшей партийной школы. На этой работе проявился недюжинный талант Серебрякова как боевого партийного организатора и политического вожака матросских масс.

Основную задачу пропагандиста и агитатора М. В. Серебряков видел в том, чтобы постоянно держать рабочих и крестьян в курсе текущей политики, воспитывать их в духе строго научного коммунистического мировоззрения. «Мы уже не занимаемся выращиванием апельсниюв в цветочных горшках, — писал он в "Красном балтийце", — а сеем иден коммунизма по беспредельным полям Советской России». Без овладения марксистскими взглядами, указывал он, нельзя разобраться в калейдоскопе бурных событий, происходящих в стране. Он стремился ознакомить военморов легендарной Балтики с мировой революционной историей, писал статьи о деятельности ряда революционеров России в Запада, показывая, какие славные боевые и революционные традиции наследовала и прнумножила в творщионные традиции наследовала и прнумножила в твор-

¹⁶ Центральный военно-морской музей, ф. Революции (29), оп. 1, д. 157, пункт 14.

честве масс Октябрьская социалистическая революция. Им рецензировались в эти годы почти все более или менее крупные работы в области политики и идеологии, выходящие в Советской республике, в которых он давал аргументированную критику меньшевиков, анархистов, ревизнонистов и догматиков. «Сектанты и догматики, - писал он, - относятся к теории, как к чему-то такому, что можно заучить наизусть, а затем механически вдалбливать пролетариату. Но коммунизм - не окостенелая догма, а теория развития, не неизменный символ веры, а руководство к деятельности. Пользуясь им, нельзя впадать в узкую исключительность и уходить в сторону от революционного движения, идущего по безупречно правильному пути». 17 Всякий уклон от этого пути в сторону догматизма и ревизнонизма, по его слоғам, может нанести величайший ущерб революции, оторвать вождей от рабочих масс, погубить революционные завоевания народов.

Большой интерес рабочих, красноармейцев, молодежи и всего населения нашей страны в эти годы вызывали вопросы, связанные с перспективой дальнейшего развития мировой социалистической революции и выяснением всемирно-исторического значения Октября. Этим вопросам были посвящены многочисленные журнальные статьи и газетные передовицы, написанные Михаилом Васильевичем. Говоря о характере и путях развития мировой пролетарской революции, он вместе со своими товарищами, петроградскими большевиками Эдуардом Эдуардовичем Эссеном и Вадимом Александровичем Быстрянским, выступал против подмены марксистской теории классовой борьбы и революции левосектантским пониманием революционного процесса, решительно от-

вирту ¹⁷ «Красный билтиец», 1920, № 7, стр. 22. ПЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ.

вергал авантюристический путь вооруженного «экспорта» пролетарской революции в другие страны, за который в те годы нередко ратовали троцкисты и любители «революционной фразы». «Революции, — указывал М. В. Серебряков, — не делаются по заказу правительств и вождей других государств. Они являются необходимым результатом развития борьбы классов вну-

три страны».

Однако это, по его мнению, не означало, что страна, где победила социалистическая революция, исчерпала свои революционные возможности. Победа пролетарской революции неизбежно приводит к возрастанию революционного влияния социалистической республики. Страна победившей революции становится примером для народных масс других стран. «Само существова-ние рабоче-крестьянского государства, — писал Сереб-ряков, — служит могущественнейшим оружием комму-нистической пропаганды». Действенность революционнистической произганды». Действенноств революцион-ного примера связывалась им с успехами Советской власти по борьбе с голодом и хозяйственной разрухой. Поэтому после окончания гражданской войны главная сфера революционной деятельности нашего народа должна переместиться в область производства и экономики. Революция здесь принимает другие формы, но не утрачивает своей преобразующей сущности. Вместе с тем успехи в области хозяйственного строительства Советской России невозможны без мирной передышки. Мир является важнейшим завоеванием революционного парода. «Трудящиеся, — указывал М. В. Серебряков, всегда выступали против милитаризма, "наиболее пагубным проявлением" которого была империалистическая война. Она тяжким бременем легла на плечи масс и принесла им неисчислимые страдания. Поэтому, — пи-сал он, — начиная борьбу за всеобщий мир, Советская

власть брала на себя ответственность перед рабочим

классом не только России, но и всех стран».18

В то же время политический комиссар балтийских моряков не исключал такого положения, когда поднявшемуся на социалистическую революцию пролетариату Запада может потребоваться вооруженная помощь русских пролетариев. Поэтому Красная Армия и Красный Флот должны быть всегда готовы выполнить свой классовый, интернациональный долг — штурмовать боевые твердыни империализма.

В 1921 году Государственный ученый совет назначил М. В. Серебрякова профессором Петроградского государственного университета. Открылась новая страница биографии революционера, связанная с преподаванием в крупнейшем вузе России, где до революции обучалось

более четверти всех студентов страны.

и, в борьбе за советскую высшую школу

Перед посланцами партии в высшей школе стояли очень сложные, еще никем и никогда не решавшиеся задачи: предстояло совершить социалистическую культурную революцию, помогая работникам умственного труда идти в ногу с рабочим классом, со всем трудовым

народом по пути строительства социализма.

Ввиду острой нехватки партийных научных кадров профессору Серебрякову с первых шагов пришлось преподавать не только в университете, по и в Лесном институте, Политико-просветительном институте имени Н. К. Крупской и других вузах. С 1922 года его назначают проректором Петроградского государственного университета и деканом факультета общественных наук

18 «Красный балтиец», 1920, № 6, стр. 7.

http://history.museums.spbu.ru/

Первый ректор-коммунист М. В. Серебряков (20-е годы).

(ФОН), в 1925 — деканом факультета права. В 1927—1930 годах М. В. Серебряков работал ректором университета. По существу Михаил Васильевич был первым ректором-коммунистом Леиниградского университета. Ему принадлежит исключительно важная роль в деле перестройки этого крупнейшего советского вуза на основе марксистско-ленинского мировоззрения. Наряду с работой в ЛГУ профессору-коммунисту Серебрякову в 30—40-х годах довелось быть директором Института истории искусств, Всероссийской академии искусствознания, Института экономики, философии и права Академии Наук СССР.

Основным содержанием революционной и научной деятельности Миханла Васильевича в первое десятилетие становится борьба за формирование марксистского мировоззрения вузовской интеллигенции при номощи Научного общества марксистов (НОМ), председателем президиума и ответственным редактором которого он состоял.

Это было время особого накала политической и идейной борьбы. Определенная часть старой университетской профессуры, в недавнем прошлом тесно связанняя с буржуазно-монархическим строем и различными партийными течениями буржуазии, упорно сопротивлялась мероприятиям рабоче-крестьянской власти по перестройке высшей школы. Переход партии и государства к нэпу оживил надежды на возвращение старых порядков.

музейные коллекции, биографика)

http://history.museums.spbu.ru/

¹⁹ Деятельность члена Северо-Западного бюро ЦК партии С. К. Минина, исполнявшего по совместительству в начале 20-х годов обязанности ректора Государственного и Коммунистического университетов Петрограда, в силу своей непродолжительности не могла оставить заметного следа в истории послеоктябрьской перестролки университета.

Профессора ЛГУ П. А. Сорокин, С. Л. Франк, Л. П. Карсавин, Э. Л. Радлов, Н. О. Лосский и другие видные теоретики иэповской буржуазии, стоявшие во главе идейной контрреволюции, восстанавливают деятельность своих дореволюционных «научных» обществ, организуют новые «ассоциации» и «академии» и, опираясь на частный книгоиздательский сектор, публикуют сборники и монографические труды по социологии, экономике и философии. Они выпускают собственные периодические издания, а порою печатаются в журналах, издаваемых их коллегами и единомышленниками на государственный счет.

Интерес вузовской интеллигенции и студенческой молодежи к социологической проблематике и в особенности к марксистской теории общественного развития эти круги пытаются удовлетворить в границах буржуазной науки и реформистски искаженного марксизма. Именно в этом направлении развивалась в начале 20-х годов деятельность университетской кафедры социологии, «Биосоциологического института», «Вольного философского общества» и «Социологического общества имени

Ковалевского».20

В противовес буржуазной идеологии, в целях пропаганды марксизма среди вузовской интеллигенции на рабфаке университета в конце 1919 года создается Научное общество марксистов, которое постепенно под руководством Василеостровского райкома и Ленинградского губкома партии становится признанным центром марксистской философской мысли Ленинграда. Деятельность коммуниста Серебрякова в НОМе высоко оценивалась в партколлективе университета. «Лишь при на-

²⁰ См.: В. Н. Клушин. Социология в Петроградском университетс (1920—1924). Вестник ЛГУ, 1964, № 5, стр. 76—81.

личин в НОМе такого работника как Серебряков удалось многих профессоров поставить на марксистские ноги», — говорили на заседании партийной проверочной комиссии.²¹

Проводить партлинию в НОМе значило не только организовать его членов и направлять их усилия на разработку проблем философии, социологии, историкореволюционной и политэкономической тематики в духе марксизма. Работа в те годы во главе движения университетских марксистов требовала повседневно откликаться на жизненные нужды работников высшей школы и их семейств, переживавших тяготы разрухи и голода, вызванные гражданской войной и иностранной интервенцией.

Именно таким человеком, способным проводить партийную линию в среде беспартийной вузовской интеллигенции, был профессор Серебряков. Ему было свойственно творческое отпошение к маркенстскому учению, особенно в области его истории, отсутствие догматизма, рутины и слепого преклонения перед авторитетами. Он видел в марксизме живую, развивающуюся теорию и не жалел сил и энергии в защите его от всяких нападок и искажений. Будучи исключительно принципиален и тверд, когда речь шла о сущности пролетарской идеологии. Михаил Васильевич был вместе с тем чрезвычайно внимателен, чуток и терпелив по отношению к заблуждающимся коллегам по университету и НОМу, умел настойчиво, не жалея времени и усилий, убеждать окружающих в истинности марксистской теории. У него совершенно отсутствовал исевдорадикализм, болезнь, которой в послеоктябрьские годы переболели наши теоретики-марксисты и которая нередко отталанкт-Петербургского университета

виртуа 21 ЛПА, ф. 433, оп. 4865, д. 365 335/3, л. 1 турное наследие.

кивала от них представителей старой академической науки. В личных отношениях с окружающими это был обаятельный и скромный человек, пользующийся уважением даже тех, кто не разделял его политических и научных взглядов. Отличаясь щепетильностью и самоотверженностью в работе, председатель президиума НОМ был исключительно бескорыстным человеком. Когда НОМ испытывал финансовые затруднения, а это случалось отнюдь не редко, он по собственному почину отказывался от денежного вознаграждения, причитавшегося ему как автору статей, редактору печатного органа и председателю президиума.

В результате успехов в социалистическом строительстве и благодаря принципиальной и гибкой линии, проводимой университетскими марксистами во главе с М. В. Серебряковым, старая профессура постепенно сдавала свои идейные позиции, и среди вузовской интеллигенции стало утверждаться марксистское мировозврение.

зрение.

зрение.

В марте 1923 года на торжественном заседании Общества марксистов было отмечено сорокалетие со дня смерти Карла Маркса. На этом заседании присутствовали многие ученые университета и других вузов города. Был заслушан доклад профессора М. В. Серебрякова «Маркс как философ» и доклад профессора В. В. Святловского «Коммунистический манифест». В октябре этого же года университетской общественностью торжественно отмечалась сороковая годовщина основания плехановской группы «Освобождение труда». В феврале 1924 года по решению президиума Научного общества марксистов в намять безвременно ушедшего вождя русского и мирового пролетариата В. И. Ленина была прочитана целая серия докладов, в которых всестороние раскрывалась историческая роль

Ильнча в создании большевистской партии, Советского государства, в дальнейшей разработке п развитии всех областей марксистской теории. Эту первую ленинскую теоретическую конференцию Ленинградского университета докладом «Маркс и Ленин» открыл проректор ЛГУ профессор М. В. Серебряков. На пленарных заседаниях, проходивших в актовом зале университета при большом числе участников, были заслушаны доклады: «Лении как философ» В. П. Тихомирова, «Учение В. И. Ленина о государстве» И. С. Марголина и другие, вызвавшие большой интерес слушателей. Марксистско-ленинские пдеи постепенно завоевывали умы даже консервативно

пастроенных работников высшей школы.

В этот период в работе Научного общества марксистов вместе с М. В. Серебряковым принимали участие не только такие известные в те годы марксисты как Н. Н. Андреев, В. А. Быстрянский, И. А. Давыдов-Борисов, С. К. Минин, М. И. Оленов, С. А. Оранский, И. С. Плотников, М. А. Сильвии, А. И. Тюменев, Э. Э. Эссен, мировоззрение которых сложилось до Октябрьской революции, но и многие талантливые молодые историки, философы и экономисты университета, Института имени Толмачева и других вузов, позднее игравшие большую роль в развитии преподавания марксизма-ленинизма в Ленпиграде. Среди них прежде всего можно назвать И. А. Борнчевского, А. А. Вознесенского, Я. М. Пинкевич, Л. Ф. Спокойного, Б. А. Фингерта, Б. А. Чагина и многих других будущих профессоров и академиков, в юности прошедших школу Михаила Васильевича Серебрякова.

Совместная работа с ученым-коммунистом и его товарищами в НОМе оказала большое влияние на таких уже сложившихся университетских ученых как В. В. Святловский, С. И Солицев, К. М. Тахтарев и не-

которых других, которые в последние годы своей жизни

становятся на платформу Советской власти.

М. В. Серебряков твердо проводил ленинскую линию политики партии, закрепленную Программой РКП(б), принятой в 1919 году на VIII съезде. Беспощадно критикуя теоретические шатания некоторых начинающих марксистов, он никогда не смешивал их с политическими фракционерами и другими врагами нового строя. Михаил Васильевич умел быть твердым в этих вопросах, мужественно отметая любую попытку дискредитировать честных работников.

В 1931 году, например, Михаил Васильевич выстоял против некоторых членов ленинградской ячейки «Общества воинствующих диалектиков-материалистов», требовавших от него выступления против «неокантианской методологии» одного из видных правоведов ста-

рой школы.

Догматически настроенные товарищи обвинили коммуниста Серебрякова в «примиренчестве» и «фактическом разоружении перед лицом классовых врагов на теоретическом фронте», в «открытом проявлении правого оппортунизма на практике». Партийная организация, однако, высказала другое мнение: «М. В. Серебряков — старый большевик, проводит твердо классовую линию».²²

От этой принципиальной классовой позиции не отступил Михаил Васильевич и в позднейшие времена. Те, кто знал его по эвакуации в Саратове, рассказывают один характерный для старого большевика эпизод.

...Осень 1942 года. Гитлеровские орды на Волге. Все тяжело переживают горечь тяжких отступлений вто-

²² ЛПА, ф. 433, оп. 589, д. 365 335/1, лл. 13-17.

рого военного лета. Идет заседание ученого сомоть В повестке дня защита кандидатских диссертации по истории, филологии и лингвистике. Профессор Соргоряков сидит за столом, устало склонив седую голову. Оглашен регламент работы совета. Вдруг один из профессоров встает и с болью спрашивает: «Товарищи, что же это такое у нас сегодия происходит. Из некоего государства на нас сыпятся бомбы... а мы собираемся заслушивать защиту сразу трех немецких диссертации. Что-то не так получается с политической точки вреиня...» При этих словах Михаил Васильевич резко поднялся: «Стар стал, плохо слышу, но показалось мне, что я нахожусь в том государстве, откуда на нас бомбы летят». Аудитория, только что остро реагировавшая на вопрос, стихла при этих словах, сказанных вполголоса. А профессор Серебряков с юношеской силой в голосе спросил: «Кто, кроме нас, поможет немецкому народу, попавшему в беду, спасти его национальную культуру, ценности которой жгут на площадях Мюнхена и Нюренберга?»... Все три защиты прошли успешно.

Научная деятельность М. В. Серебрякова в НОМе носила весьма разносторонний характер, что объясняется не только основательностью и широтой его эрудиции, но прежде всего многообразием задач, выдвигавшихся самой обстановкой переходного периода от капитализ-

ма к социализму.

Его интерес к проблемам социологии и истории философии марксизма обуславливается быстрым ростом культурных запросов широких народных масс, совершивших первую в мире победоносную пролетарскую революцию и горевших желанием построить социализм. В стране ощущалась крайняя нехватка марксистской литературы и образованных марксистов-преподавателей. Положение усугублялось тем, что нэп сопровождался

музейные коллекции, биографика) http://history.museums.spbu.ru/ активизацией буржуазной идеологии. Частный рыном наводнялся переводами «трудов по марксизму» теоретиков германской социал-демократии (К. Каутского, Г. Кунова, О. Гильфердинга, М. Адлера, В. Вольтмана) и буржуазных эклектиков (В. Зомбарта, «органицистов», «психологистов»). Все эти писания и их «домашняя популяризация» в первое десятилетие после Октября сеяли путаницу в умах массового читателя, особенно учащейся молодежи.

Ревизионистское поветрие обусловило активность М. В. Серебрякова в области защиты материалистического монизма марксистской философии, критики буржуазных социологических концепций, а также в деле разработки основных вопросов исторического материа-

лизма.

III. КРИТИК БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Михаил Васильевич Серебряков никогда не принадлежал к числу тех обличителей враждебных марксизмуленинизму учений, которые исчерпывают арсенал критических средств набором «ярлыков» и однообразных нападок. Сейчас такая «критика» в общем-то уже стала историей, но и сегодня есть, чему поучиться у блестящего полемиста.

Сказанное вовсе не означает, что его критические работы лишены обличительности. По яркости контрастов, по образности и сочности языка, по чувствам, возбуждаемым в читателе, трудно найти соперников Ссребрякову. И, пожалуй, секрет в том, что и холодок скепсиса, и меткий сарказм, и беспощадная ирония критических суждений Серебрякова воспринимаются не как внешнее осуждение — их основанием служит вопиющее убожество идей, обнаженное критиком.

Известно, что, начиная с XIX века, теоретики буржуазни упорно уходят от решения основного вопроса философии. Профессор Серебряков неумолимой логикой воз вращал критикуемого «нейтрального» писателя к этому неприятному пункту, где идеализм умозрительного или субъективно-эмпирического построкния оказывается очевидным. Так, анализируя «ноологическую социологию» Вернера Зомбарта, утверждавшего, что исторический материализм суть плоское метафизическое учение об «определяющих историю факторах», М. В. Серебряков прежде всего отвергает отождествление марксистской философии с «теорией факторов». Им неопровержимо доказывается, что в марксизме пикогда не теряется из виду всеобщая связь явлений. Производство, распределение, обмен и потребление все это «части целого», «различия внутри единства», «различные моменты органического целого», основное звено, определяющее характер социальной целостности. Поскольку «ноологическая социология» Зомбарта слу-

Поскольку «ноологическая социология» Зомбарта служила его культурологической концепции, в которой культура подавалась как нечто совершенно противоположное природе, М. В. Серебряков отстанвает научное монистическое понимание природы и культуры, опять-таки противопоставляя умозрительной культурологии Зомбарта попытки просветителей XVIII века (Ж. Боден, Ш. Монтескье, И. Гердер) объяснить исторические судьбы че

ловечества влиянием внешней среды.

Критика идеализма просветителей и их позднейших последователей «социографов» и «антропогеографов» (Э. Демолен, П. Мечников, Ф. Ратцель) помогает М. В. Серебрякову лучше подчеркнуть богословский характер социологии Зомбарта, требовавшей «не исследовать, а истолковывать». «Отрицать глубокую неразрывную связь культуры с природой и общественных

39

наук с естественными, — резюмировал Серебряков в статье "Зомбарт и социологи", — значит допускать неустранимый дуализм, заграждать единственный плодотворный путь научного познания, подрубать сук, на котором сидишь. Совершив это научное харакири, Зомбарт, естественно, погружается в трясину средневековой схоластики». Вакое отступление Зомбарта от науки обнажает, по мнению Михаила Васильевича, социальный смысл его писаний.

Критике профессора Серебрякова чужд шаблов, ее научные полемические средства строго дифференцированы, многообразны и ярки. Анализируя, к примеру, «органическую социологию», он сразу же противопоставляет ее «наиболее талантливых представителей» Г. Спенсера и А. Шеффле «органицистам»-эпигонам Бордье и Лилиенфельду, грубо отождествлявшим об-

щество с организмом.

«Социальная механика» позитивиста Лестера Уорда просто высмеивается как детское занятие с пусканием мыльных пузырей. Но смех читателя вызывает не столько аналогия критики, сколько самая сущность псевдонаучных упражнений Уорда. «Сначала, — пишет Михаил Васильевич, — он лишает основной принцип физики его количественной определенности, а строго физическое понятие энергии распускает в своей социологической водице. Замутив этим нехитрым принемом воду, он безбоязненно шествует вперед, по дороге пуская один мыльный пузырь за другим; социальная статика исследует социальный порядок, социальный порядок составляется из социальных структур; социальные структуры называются учреждениями, а самым основ-

²³ Известия Ленинградского государственного университета, т. 1, 1928, стр. 125.

ным учреждением является "групповое чувство безопасности", из него последовательно развиваются религия, закон, мораль, нравы, короче, все обрядовые церковные, юридические и политические учреждения. Эти учреждения суть продукты социальных сил, действующих по принципу социальных синергий. Кто не понял приведенных премудростей, тот невежда и глупец, а кто понял, тот ни на волос не станет умнее, ибо вся социология Уорда построена на игре словами и на непозволительных аналогиях».24

Иной характер посит критика неокантианской теорин Рудольфа Штаммлера, тонко аргументированная в духе конвенциализма. Более скрупулезно прослеживаи нить рассуждения противника, критик-марксист обнаруживает «ахиллесову пяту» в построении Штаммлера, нбо прокламируемое им соглашение, внешнее регулирование, постановка общих целей «невозможны без обших социальных инстинктов или общего сознания», а это прямо требует постановки и открытого решения основного вопроса философии.

Бывший питомец юридического факультета Петербургского университета уличает Штаммлера в прямом расхождении его теории с общензвестными историческими фактами. «Внешнее регулирование, основанное на соглашении и постановке общих целей, - писал Серебряков, - вовсе не является конструктивным или даже характерным признаком общественного соглашения».

В качестве аргументов contra Штаммлер приводятся общеизвестные факты: первоначальная связь караванной и морской торговли с разбоем и разбойничьи набеги рыцарей в раннем средневековье. Отношение пиратов к их жертвам, как писал Михаил Васильевич, обия Санкт-Петербургского универ

виртуа 31 Там же, стр. 133-134 истве (культурное наследие

было общественным, по ничем не регулировалось, то же наблюдалось и в разбойничьем промысле рыцарей.

ИІтаммлер, воспитанный в духе идеалистических концепций правовой школы, улавливал лишь непосредственные отношения людей в обществе, возникающие при заключении соглашений или договоров, и оказался совершенно неспособен понять опосредованные общественные отношения, возникающие в материальном производстве.

Наряду с критикой социальных доктрин современных буржуазных идеологов-антимарксистов 20-е годы выдвинули задачу защиты материалистического понимания истории от неокантианской ревизии со стороны теоретиков западно-европейской социал-демократии. Складывалось положение, когда, по словам М. В. Серебрякова, недостаточно искушенный в теории марксизма читатель имел перед собой «по крайней мере двух Марксов — подлинник и бледную изуродованную копию».

Одним из творцов «маргариновой копии» Маркса был австрийский неокантианец Макс Адлер, пытавшийся утверждать, что взгляды Маркса неосновательно «ославлены, как материалистические». Адлер изображал мир как «постоянное творение нашего собственного мышления». «Неокантианский желудок М. Адлера, — иронизировал по этому поводу профессор Серебряков, — не в состоянии переварить такой жесткой материалистической пищи».

Выхолащивая исторический материализм, Адлер исключил из него категорию производительных сил и одновременно смешал производственные отношения с естественными условиями материальной жизни общества, «свойствами почвы и природы той местности, где живут люди». Не приходится удивляться, что и произ-

водственные отношения изображались как явления духовной жизни. При этом делался вывод, что Маркс якобы «обнаружил идентичность бытия и мышления». Эклектический ход рассуждений Адлера приводил его к телеологии. По его мнению, человек «социален уже непосредственно в своем самосознании, то есть отличается существенным сходством в психологическом отношении со своими сородичами». Здесь М. В. Серебряков уличает ревизнониста в грубейшем «petitio principi», поскольку первоистоки психической возможности соглашения отдельных существ, их духовного сходства как раз и нуждаются в доказательстве.²⁵

Сведение способа производства к идеалистически истолкованным производственным отношениям, указывал критик, потребовалось Адлеру для того, чтобы подвести под марксистское понимание истории неокантнанские философские основы. Однако кантианство принципиально несовместимо с материалистическим пониманием общественной жизни и тот, кто не понимает

этого, не усвоил главного в марксизме.

М. В. Серебряков связывал теоретические воззрепия пеокантианцев с их политической позицией. Так,
например, анализируя развитие взглядов «папы социалсоглашательства» Карла Каутского, он показал, как
переход этого марксиста па сторону буржуазного реформизма и соглашателей привел к измене принципам
материализма и материалистической диалектики. Абсолютизируя принципы буржуазной демократии и лишая их исторического содержания, этот обер-ревизионист дошел до признания за ними ореола нравственного долженствования.

²⁵ См.: М. Адлер. Маркс как мыслитель. Изд. т-ва «Книга», 1924, стр. 14; Его же. Энгельс как мыслитель. Изд. т-ва «Книга», 1924, стр. 9—10.

Особенно жестким и беспощадным становилось перо профессора-большевика, когда дело касалось российских эпигонов того или иного эклектического течения, пытавшихся выступать от имени марксизма.

Не мог Михаил Васильевич обойти вниманием и такую разновидность «левой» вульгаризации исторического материализма как «боричевщина», которая получила распространение в начале 20-х годов. Профессор И. А. Боричевский абсолютизировал роль эксперимента и экспериментальной техники в познании, возвел стихийный естественноисторический материализм в ранг научного материализма. Анализируя основные принципы научного и идеологического творчества, Боричевский утверждал, что наука прямо противоположна идеологии и развитие научного познания определяется в копечном птоге не факторами, лежащими в сфере экономического базиса, а его «собственной логической ценностью». Здесь, по меткому выражению Серебрякова, «чертово копыто идеализма» оказалось невозможно скрыть в «материалистических башмаках».

М. В. Серебряков раскрыл внутреннюю несостоятельность и идеалистический характер этой нигилистической по отношению к философии и социологии концепции. На примере анализа марксистской теории государства, которая обладает всеми признаками науки и ндеологин, он аргументированно доказал, что всякое противопоставление этих основополагающих форм духовной деятельности людей не только искусственно, но и вредно. Основной упрек Боричевскому был сделан за то, что он отступил от марксистского понимания истории в решении вопроса об источниках развития науки и идеологии, которые, по мнению Серебрякова, следует видеть в способе производства, а не в «собственной по-знавательной ценпости» научного знания.

Поскольку буржуазные идеологи и ревизнонисты возрождали дуалистическую картину природы и общества, он, выступая в защиту материалистического монизма, основное внимание обращал на разработку вопросов естественных условий производства материальных благ и научное решение проблемы роли масс и личности в истории.

IV. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА М. В. СЕРЕБРЯКОВА

В стране, где народные массы осуществили первую в мире социалистическую революцию, одолели внешнюю и внутреннюю контрреволюцию, особый интерес вызывала проблема роли народа и личности в истории. Она привлекла большое внимание Серебрякова, который почувствовал в окружающей среде поветрие волюитаризма и субъективизма. Выступая в конце 1919 года неред агитаторами-военморами Балтики с лекцией «Агитаторы на линию», он говорил: «Революции — не случайность, не каприз какого-нибудь политического самодура, а закономерный процесс, независимый от воли отдельных лиц... Пропитанные обывательским духом люди склонны приписывать величайшие мировые события каким-либо глупым случайностям: ведь многие по сей день думают, будто от консечной свечки Москва сгорела, а Наполеон потернел поражение при Ватерлоо только потому, что в день битвы у него был насморк. Так рассуждают все мещане, начиная от нолуграмотного спекулянта и кончая буржуазным профессором», 26 Агитатор только тогда, по его словам, может выполнить свою задачу, когда сам отрешится от субъективного

ВИРТУ ²⁶ «Красный балтиец», 1920, № 2, стр. 13. Бтурное наследие.

патрить на историю, научится видеть действительные причины исторических событий и объяснять их появление и необходимость интересами и деятельностью

мисс — подлинных творцов истории.

В статье «Фридрих Энгельс как мыслитель», отмежевываясь от старых форм волюнтаризма и субъективизма, он писал: «Мы, его ученики и последователи, инкогда не участвовали в том мистическом культе "героев", который проповедовал вдохновенный пророк и мечтатель Томас Карлейль. Нам чужда почтительность русского революционера П. Л. Лаврова к "критически мыслящим личностям", которые подобно благодетельным единицам снисходительно становятся во главе бесчисленного множества человеческих нулей. Мы, наконец, считаем ненаучной и старомодной болтовней противопоставление "героев" "толпе", столь любезное народническому сердцу Н. К. Михайловского...»²⁷

Начиная с периода деятельности НОМа, Михаил Васильевич неоднократно выступал по вопросу о роли личности в истории. В 1943 году он делает доклад на открытом заседании ученых советов философского, экономического, исторического и филологического факультетов в Саратове, в январе 1948 года — на дискуссии в

Ленинградском университете.

Основные иден М. В. Серебрякова в этой области направлены против догматических попыток преувеличения роли личности в истории. Исходя из основных принципов материалистического понимания исторического процесса в трудах Маркса—Энгельса—Ленина, М. В. Серебряков дифференцированию анализировал роль личности и народных масс в сферах общественной жизни. «Чем шире круг людей, принимающих непо-

²⁷ «Красный балтиец», 1920, № 3, стр. 21.

средственное участие в определенном явления, - указывал профессор-марксист, - тем меньшее значение имеет отдельная личность и обратно». Из этого положения, которое квалифицировалось как важнейший социологический закон, делался справедливый вывод, что только в отдельных эпизодах и событиях личность иметь решающее значение.

Понятие «история» является довольно емким. В него включают и всемирную историю, и историю различных сторон человеческой деятельности (производства, науки, философин и т. д.), и историн отдельных исторических

событий (войн, революций, колонизаций и т. д.).

В каждой из названных областей роль личности весьма различна. Вполне оправдано, когда отрицается определяющая роль личности с социологической или общеметодологической точки зрения, а в отдельных исторических событиях признается ее исключительно большое, определяющее значение. Этот вывод М. В. Серебрякова остается исключительно важным и сейчас, поскольку буржуазная социология по сей день пытается спекулировать на смешении совершенио несоизмеримых исторических событий, лелея напрасную надежду этим способом опровергнуть марксистско-ленинское учение о роли народных масс в истории.

Вследствие того, что наиболее массовым характером обладают производительные силы и производственные отношения, составляющие экономический строй общества, именно они, по мнению Михаила Васильевича, «отличаются наиболее строгой необходимостью, наибольшей независимостью от воли и, следовательно, сознания людей». В соответствии с этим делается вывод, что «в их историческом развитии личность имеет наименьшее значение».
Оппоненты М. В. Серебрякова критиковали его за

47

«академический объективизм», отождествление личности со случайностью, которое ведет якобы «к недооценке роли выдающейся личности в истории». Не отдавая себе отчета в том, что идейное острие социологических положений профессора-большевика было направлено против чуждой марксизму-ленинизму тенденции возвеличивания личности, они стремились доказать, что «вопрос о роли выдающихся личностей является составным моментом нашего понимания исторической закономерности».

Обращаясь к прошлому, ставшему сегодня историей, нельзя не отдать дань глубокого уважения партийному мужеству коммуниста, который вопреки веяниям времени не поступался принципами марксизма в вопросе о роли личности и народных масс в истории.

Немаловажное значение в 20-е годы имело осмыслеине и углубление понимания основного вопроса диалектической философии посредством разработки проблемы естественных условий материального производства.

В решении данного вопроса профессор Серебряков исходит из положения Маркса, что люди «противостоят природе как сила природы». При помощи своих естественных сил, т. е. анатомических и физиологических свойств человека как биологического вида, они осуществляют такое изменение вещества природы, благодаря которому становится возможным обмен веществ между человеком и природой. Эти силы есть «внутренние естественные условия ироизводства». В этом отношении труд выступает независимым от всяких общественных условий природным процессом.

Наряду с этим природа выступает как источник необходимых внешних «естественных условий производства». Это прежде всего механические, физические и химические свойства тел, которые используются чело-

веком для целевого воздействия на другие тела природы. Во-вторых, это «естественные средства существования» — предметы, непосредственно удовлетворяющие потребности человека, которыми пользуются даром, затрачивая лишь определенные, крайне незначительные усилия. И, наконец, это «естественные средства труда», т. е. вещи и «явления природы, которые человек, не потребляя непосредственно, применяет в процессе производства при помощи тех или иных приспособлений».²⁸

Такое подразделение естественных условий производства весьма относительно, подчеркивал М. В. Серебряков. Он указывал, например, что вода может выступать и как естественное средство существования, и как средство труда. В основу классификации, по его словам, положены не какие-либо признаки естественных явлений и вещей, а их экономические функции. Между различными естественными условиями производства существует органическая связь. Поэтому всегда необходимо иметь в виду всю их совокупность. «Так, рабочее время, — указывал Миханл Васильевич, — необходимое для поддержания и воспроизводства жизни, бывает тем меньше, чем благоприятиее климат, чем плодороднее почва, чем богаче природа средствами труда, чем незначительнее естественные потребности. При различных естественных условиях производства одно и то же количество труда удовлетворяет неодинаковые массы потребностей, а, следовательно, и необходимое рабочее время тоже оказывается различным. Вместе с тем естественные условия влияют на прибавочный продукт, определяя тот пункт, за пределами которого начинается

музейные коллекции, биографика)

http://history.museums.spbu.ru/

²⁸ См.: Основные проблемы исторического материализма. Записки Научного общества марксистов. М.—Л., Госиздат, 1927, № 1 (7), стр. 83.

работа на других. Однако сами по себе благоприятные условия дают человеку только избыток свободного времени. Будет ли он производительно употреблен на себя или на других, это зависит от исторических условий, ли-

бо от внешнего принуждения».²⁹
Природа, по словам профессора Серебрякова, до-ставляет человеку не само производство, а лишь его естественные условия или возможности. Превращение возможности в действительность связано с процессом труда. Последний складывается из двух моментов. Вопервых, из средств производства, или вещных, объективных факторов труда. К ним относятся общественные средства труда и предмет труда. Во-вторых, это рабочая сила — «личный субъективный фактор производства». Материальные производительные силы состоят из совокупности средств производства и рабочей силы.

Актуальность обращення к этому вопросу в тот период была связана с критикой М. В. Серебряковым той путаницы, которую впесли в марксистскую теорию общественной жизии ревизионисты. Так, например, среди университетских обществоведов широкое хождение имели взгляды: П. Юшкевича, исключавшего из производительных сил рабочую силу — производителей материальных благ; Г. Кунова, смешавшего средства производства с естественными условиями; Н. Бухарина, отождествлявшего всю природу с предметом труда; Ю. Делевского, включавшего в производительные силы естественные условия труда; М. Туган-Барановского, считавшего основой общественного строя «духовные и материальные условия хозяйственного труда», а также воззрения других эклектиков. В своей основе их взгля-

²⁹ Там же, стр. 84.

ды означали отход от материалистического понимания

истории к дуализму и идеализму.

Работы профессора Серебрякова по историческому материализму в значительной мере помогали молодой советской интеллигенции понять, что категории марксистской философии истории суть теория и метод познания общественных явлений, а вовсе не «универсальная последняя инстанция», как полагали вульгаризаторы

марксистского учения об обществе.

Можно, однако, утверждать, что линия главных научных интересов профессора Серебрякова лежала в области истории марксистской философии. Михапл Васильевич был пнонером советского энгельсоведения, круппейшим исследователем сложнейших проблем становления взглядов Фридриха Энгельса, революционера и мыслителя, великого сподвижника Карла Маркса. В работах М. В. Серебрякова впервые в советской науке были поставлены и разрешены основные проблемы истории духовного и политического развития юного Энгельса. В них с исчерпывающей полнотой раскрывалось идеологическое состояние немецкого общества 30-40-х годов прошлого века, в лоне которого формировались взгляды основоположников научного мировоззрения, обусловленные сложными перипетиями классовых битв в экономической, политической и теоретических областях.

Профессор Серебряков считал неверной вульгарную рационализацию истории общественной мысли, поскольку историю творят люди с противоречивыми стремлениями, настроениями и чувствами. Последние нередко являются мотивами их идейного творчества. Поэтому, по его мнению, нельзя объяснять отказ Маркса и Энгельса от груза воззрений молодости как чисто теоретический шаг в области понимания общественных явле-

iyseйные коллекции, биографика http://history.museums.spbu.ru/ ний, сбрасывая со счета полное бескорыстие, глубокую искреиность, большое мужество, независимость, твер-

дость и цельность их натур.

Всякая историко-философская работа, по убеждению М. В. Серебрякова, должна удовлетворять двум основным условиям: нужно любить предмет своего исследования и в то же время критически относиться к нему. В «Предисловии» к своему труду М. В. Серебряков писал, что «не скрывает своей горячей любви к Энгельсу, но критически проследив извилистые пути его умственного развития ...знает также, сколько рытвин и ухабов, подводных камией и рифов молодой Энгельс преодолел в своей жизни». 30 Твердо придерживаясь этих творческих принципов, Серебряков действительно сумел проникнуть во внутренний мир молодого Энгельса. Его работа не только интересна, она увлекает читателя — качество, которое не часто встречается в нашей историко-философской литературе.

Тема истории духовного развития Энгельса красной нитью проходит через всю тридцатинятилетнюю научную жизнь Серебрякова, которую в этой связи условно можно подразделить на три хронологически неодинако-

вых периода.

Начальный период работы над этой темой тесно связан с научным обществом марксистов, на заседаниях которого заслушивались и обсуждались первые наброски основного труда упиверситетского историка марксизма, регулярно публиковавшиеся в 1920—1927 годах на страницах тогдашних журналов и научных сборников. Такой работой М. В. Серебрякова является небольшая статья «Фридрих Энгельс — великий прори-

³⁰ М. В. Серебряков. Фридрих Энгельс в молодости. Над. ЛГУ, 1958, стр. 8.

цатель». Она увидела свет в декабре 1920 года в журнале «Пламя», в связи с двадцатипятилетием со дня смерти великого революционера и мыслителя. В этом же году в журнале «Красный балтиец» публикуются статьи Серебрякова «Фридрих Энгельс как мыслитель», «Фридрих Энгельс — великий тактик рабочей армин» и некоторые другие. «Важнейшее звено, смыкающее теорию и практику в единую цень, — указывает он, — составляет мысль, что социальную революцию может произвести только рабочий класс». 31

В 1921 году в журнале «Книга и революция» он помещает работы «Фридрих Энгельс и литература», «Энгельс в переписке с Беккером». В этих небольших статьях автор, анализируя тактические воззрения Энгельса, его поход против вождей, «обнаруживших колоссальные мелкобуржуазные инстинкты», показывает, что тактические взгляды «наших незабвенных учителей неразрывно сплетены с материалистическим пониманием истории». На конкретном материале из истории немецкого революционного движения им усиленно подчеркивается мысль гениального соратника Маркса, что «германское движение обладает одним свойством — все ошноки вождей всегда исправляются самими массами». Поэтому, замечает М. В. Серебряков, для вождей мирового пролетариата, объединявших рабочих в интернационале, на первых порах было важно не навязывание коммунистических идей, до которых еще не доросли пролетарские массы, а создание массового рабочего движения, независимого от буржуазных политических партий. Именно этому движению принадлежит будущее. Только оно способно преодолеть бур-

История Санкт-Петербургского университета в виртуа «Красный балтиец», 1920, № 7, стр. 18. музейные коллекции, биографика) 53

http://history.museums.spbu.ru/

жуазные и мелкобуржуазные инстинкты и наслоения на пути революционного преобразования мира и построения нового общества.

В 1922—1927 годах Михаил Васильевич в «Записках научного общества марксистов» публикует статьи «Ранняя юность Фридриха Энгельса», «Макс Штирнер перед судом наших современников», «Фридрих Энгельс и младогегельянцы», «Поворот молодого Энгельса к коммунизму», «Фридрих Энгельс и его участие в обосновании научного коммунизма» и некоторые другие. Работая годами, шаг за шагом, на основе большого конкретно-исторического и архивного материала исследователь воссоздает образ молодого Энгельса и намечает основные закономерности его умственного и политического развития. По существу этими работами М. В. Серебряков открыл дорогу советскому изучению жизни и деятельности молодого Энгельса, положил начало советскому энгельсоведению.

Во второй наиболее продолжительный период работы, закончившийся в 1944 году, профессором Серебряковым по данной теме ничего не публиковалось. Шла кропотливая работа над докторской диссертацией. Усилия ученого были направлены и на руководство Академией искусствознания и другими научными учреждениями. Началась Великая Отечественная война и блокада Ленинграда, в котором Серебряков находился до весны 1942 года, мужественно разделяя жестокие лишения и смертельную опасность, нависшую над защитниками города. Эвакупрованный в Саратов шестидесятипятилетний ученый сумел в исключительно тяжелых условнях сформировать из ленинградцев кафедру философии в местном университете, что помогло сразу же после войны восстановить философский факультет Ленинградского государственного университета. В отчете

о научно-исследовательской работе в годы войны М. В. Серебряков писал: «Подготовил к печати 7 глав (15-16 печатных листов) для второго тома своего большого труда "Фридрих Энгельс. История его умственного развития" и написал статью "Маркс и Фейербах" (3 печатных листа) для "Ученых записок ЛГУ". Сделал доклады "Маркс и Энгельс как критики Макса Штирнера" на заседанни кафедры философии и "Маркс и Фейербах" на научной сессии, посвященной 60-летию со дня смерти Маркса...» 32 Этот большой научный труд сочетался с огромной педагогической и общественпой деятельностью эвакупрованного ленинградского ученого, чтением многочисленных лекций в госпиталях, воннеких частях, саратовском Доме Красной Армии и других учреждениях, руководством теоретическими конференциями преподавателей общественных наук. Научная, педагогическая и общественная деятельность учепого-патрнота была отмечена Указом правительства, наградившего Михаила Васильевича в 1943 году орденом Трудового Красного Знамени, а затем медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В том же году он за свою работу об Энгельсе был удостоен ученой степени доктора исторических наук.

Третий, заключительный период работы профессора Серебрякова над избранной историко-философской темой охватывает первое послевоенное десятилетие. В эти годы возобновляются публикации работ о молодом Энгельсе. Среди них необходимо прежде всего отметить такие, как «Первая встреча Маркса с Энгельсом» и

³² Отчет о работе кафедры философии за годы Великой Отечественной войны. Музей ЛОЛГУ, ф. проф. М. В. Серебрякова.

Втория встреча Маркса с Энгельсом», опубликованные в «Научном бюллетене ЛГУ». Этот цикл завершает неопубликованная статья «Три встречи Маркса с Энгельсом», написанная в 1949 году.

Статьей «Зародыши исторического материализма», напечатанной в 1946 году, М. В. Серебряков зафиксировал поворот молодого Энгельса к материалистическому пониманию истории в очерках, помещенных в газете «Vorwārts». Большую ценность представляет исследование начального периода сотрудничества Маркса и Энгельса, получившее отражение в статьях «"Святое семейство" (совместный труд Маркса и Энгельса)» и «"Немецкий социализм" и борьба с ним Маркса и Энгельса», опубликованных в Вестинке ЛГУ. Последней работой этого раздела была статья «Из истории борьбы Маркса и Энгельса против мелкобуржуазных течений в 40-х годах XIX века», помещенная в «Ученых записках ЛГУ» за 1955 год. Эта статья особенно актуальна сейчас в свете современной борьбы с левым ревизнонизмом в международном коммунистическом движении.

Такова краткая история работы М. В. Серебрякова, завершившаяся опубликованием монографии «Фридрих Энгельс в молодости» в издательстве Ленинградского университета уже после смерти автора и, к сожалению, в несколько сокращенном виде.

В настоящее время в советской и мировой литературе, пожалуй, нет ни одной работы об Энгельсе, которая могла бы быть поставлена в сравнение с трудом М. В. Серебрякова. Это первое оригинальное произведение, посвященное раннему периоду духовного развития великого мыслителя. Оно во всех отношениях превосходит книгу Г. Мейера, бывшую многие годы наиболее фундаментальным исследованием в этой обла-

сти.³³ Это отпосится и к исследованиям Ф. Меринга, не говоря уже о других, менее значительных попытках ос-

ветить эти вопросы.

Капитальный труд Михаила Васильевича Серебрякова впервые дает научную биографию молодого Энгельса в неразрывной связи с историей общественных отношений в Германии и Англии того времени. Но это не просто история духовного развития основоположника научного мировоззрения. Это - предыстория марксизма, исследованная со всей научной тщательностью и основанная на изучении документов и материалов немецкой, французской и английской литературы. Исключительно большое значение монография имеет также для изучения политических движений и истории общественной мысли Германии. С исчерпывающей полнотой в ней показано состояние философской мысли первой половины прошлого века. Автор основательно и подробно характеризует основные этапы исторического развития главных европейских стран и идейные течения того времени. Перед читателем проходит галерея современников Энгельса, оценка роли которых имеет важное значение для истории политических и умственных движений в Германии. Тщательнейшим образом использован обширнейший материал, архивные данные, намфлеты, переписка, дневники, газеты, журналы и мемуарная литература.

Работа «Фридрих Энгельс в молодости» вносит много нового в философскую и историческую науку. В процессе анализа событий, фактов, документов, перепнски М. В. Серебрякову удалось установить действительный путь духовного и политического развития

³³ Gustav Mayer. Friedrich Engels in sciner Frühzeit, 1820 bis 1851. Berlin, 1920.

ф Энгельса до 1845 года и определить его основные тапы. Это составляет серьезную заслугу автора книги. Во многих вопросах он дает новую трактовку и вносит исправления в обычную схему представлений, характерных для Г. Майера, Ф. Меринга и других исследователей.

Прослеживая, например, сложнейшие пути теоретического развития Энгельса под влиянием «Сущности христианства» Л. Фейербаха, профессор Серебряков на основе разносторонних свидетельств доказывает, что став атеистом молодой Энгельс далеко не сразу становится материалистом. «Гегелевскую абсолютную идею, — пишет он, — Энгельс превращает в "самосознание человечества", которое наделяет способностью к бесконечному развитию. Однако, объявляя идеи проявлением человеческого сознания, он допускает возможность их самостоятельного развития. Это явно идеалистическая точка зрения». 34 Энгельс занимал тогда ту же философскую платформу, что и такне его соратники но кружку «Свободных», как братья Бауэры, М. Штирнер, Л. Буль и другие. Этому, как правило, не придавалось значения историками марксистской философии, неосновательно утверждавшими, что уже в брошюре «Шеллинг и откровение» наметился переход Энгельса не только к атензму, но и материализму.

Монография «Фридрих Энгельс в молодости» дает всестороннее исследование эволюции философских возрений молодого Энгельса. Исчерпывающе подробно выяснено отношение Энгельса к младогегельянству, Шеллингу, Фейербаху, Гегелю и другим философам. Анализранних работ Энгельса дал возможность автору книги

³⁴ М. В. Серебряков. Фридрих Энгельс в молодости. Изд. "ЛГУ, 1958, стр. 95.

установить его связь с чартистами и социалистами. Течения «Молодой Германии» и младогегельянцев охарактеризованы самым детальнейшим образом. Взятая только в этой части книга М. В. Серебрякова бесспорно представляет собой весьма ценное произведение. Ни в одном другом историческом или философском сочинении нельзя найти столь подробного исследования истории младогегельянства на различных этапах его развития.

По-новому автор монографии освещает путь Ф. Энгельса к материалистическому пониманию истории. Он указывает, что уже в критических очерках политической экономин и статьях о положении Англии, где подытоживается переход Энгельса от революционного демократизма к пролетарскому коммунизму, обильно разбросаны зерна, из которых позднее развились научные теории производительных сил, производственных отношений, классов, классовой борьбы и государства. Правда, отмечает М. В. Серебряков, здесь будущий основатель научного мировоззрения свои выводы относит пока еще только к Англии и не делает широких обобщений из своих наблюдений. «Но его великая заслуга заключается в том, что он самостоятельно дошел до преддверия исторического материализма». 35 Определяющим моментом в развитии социологических и философских воззрений Энгельса, по словам автора, являлось его активное участие в политической жизни и политической борьбе своего времени.

Большую ценность представляет освещение профессором Серебряковым самостоятельности и оригинальности умственного развития Энгельса, которое шло до весны 1845 года независимо от Маркса. Затем жиз-

История Санкт-Петербургского университета виртуальном пространстве (культурное наследие,

узейные коллекции, биографика) http://history.museums.spbu.ru/ ненные пути великих мыслителей сошлись. Между ними завязывается беспримерная дружба и начинается совместное творчество. Предмет этого творчества—

марксизм.

Научное достоинство труда М. В. Серебрякова возрастает от того, что каждый обсуждаемый частный вопрос разрабатывается им исключительно глубоко и всесторонне, при этом нередко обнаруживается большая историческая ценность на первый взгляд мелких фактов и незначительных событий. Блестящий стиль и одновременно подкупающая простота изложения научных вопросов сочетаются у автора монографии с громадной эрудицией и критической проверкой фактов. Все это делает книгу «Фридрих Энгельс в молодости» выдающимся и замечательным для своего времени произведением, большим вкладом ученого-коммуниста в историко-философскую науку марксизма.

Появление монографии М. В. Серебрякова было с большим удовлетворением встречено философской общественностью Советского Союза и братских социалистических стран. Этот капитальный труд получил премию в Ленинградском государственном университете. Он ставит автора в первый ряд советских историков марксистской философии и делает честь научному кол-

лективу, в котором он трудился.

За талантливую научную и научно-организаторскую работу Михаилу Васильевичу было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки.

+- **

Научное творчество профессора М. В. Серебрякова развертывалось и мужало в борьбе за построение социалистического общества в нашей стране. Оно являет-

ся частицей богатой духовной жизни советского народа. Поэтому так молодо звучат сегодня слова ученого-коммуниста, сказанные им 26 декабря 1946 года на торжественном заседании, посвященном 50-й годовщине его революционной, научной и общественной деятельности. «Наше счастье, суть жизни — в борьбе, — говорил юбиляр, — и я в ней участвовал, по мере сил, и рос в борьбе. Эту борьбу начала Российская социал-демократическая партия большевиков, великая рабочая партия. Она меня воспитала, дала мне те скромные достоинства, которые вы одобряете во мне. До конца жизни я буду бороться за выполнение тех задач, которые ставит перед нами партия большевиков, партия Ленина».

Коллектив философского факультета Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова бережно хранит научные и педагогические традиции своего основателя — профессора Михаила Васильевича Серебрякова. Ежегодно ученый совет факультета за лучшую студенческую научную работу в области марксистско-ленинской философии присуждает премию имени Серебрякова. На серебряковских традициях сегодня воспитывают молодую смену советских философов и социологов. Сотни его учеников и воспитанников в Ленинградском университете и других вузах страны с честью продолжают дело, которому отдал всю свою

жизнь замечательный ученый-революционер.

История Санкт-Петербургского университета виртуальном пространстве (культурное наследие музейные коллекции, биографика) http://history.museums.spbu.ru/

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИИ

- М. В. Серебряков (1897). Из личного дела студента Харьковского университета. ГИАЛО, ф. 14, оп. 16, ед. хр. 18 (публикуется впервые).
- М. В. Серебряков студент Петербургского университета (1906— 1910). ГИАЛО, ф. 14, оп. 16, ед. хр. 18 (публикуется впервые).
- М. В. Серебряков пропагандист Балтфлота (1919—1921). Из семейного архива (публикуется впервые).
- Первый ректор-коммунист М. В. Серебряков (20-е годы). Из семейного архива (публикуется впервые).
- На обложке рисунок художника И. М. Черпова с фотографии из личного дела профессора М. В. Серебрякова, хранящегося в архиве отдела кадров ЛОЛГУ им. А. А. Жданова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

				Crp.
I.	Путь в революцию		٠	5
	В борьбе за советскую высшую школу,			
HI.	Критик буржуазной идеологии и ревизиони	вма		38
IV.	Социологические и историко-философские профессора М. В. Серебрякова			45

История Санкт-Петербургского университета виртуальном пространстве (культурное наследие музейные коллекции, биографика) http://history.museums.spbu.ru/

Зверев Владимир Михайлович, Клушин

Владимир Иванович

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ СЕРЕБРЯКОВ

Редактор О. А. Толмачева Техн. редактор В. С. Кузина Корректор М. В. Унковская

М-39677. Сдано в набор 25 V 1968 г. Подписано к печати 10 1X 1968. Формат бум. 70×108 1/32. Бум. тип. № 1. Печ. л. 4. (Усл. п. л. 2.8). Уч.-изд. л. 2.55. Бум. л. 1. Тираж 2165 экз. Заказ 393. Цена 7 коп. Издательство ЛОЛГУ им. А. А. Жданова Типография ЛОЛГУ. Ленинград. Университетская наб., 7/9.